

РЕФЕРАТЫ

Забаев И.В.¹

**Т. Люк, Дж. О Туатейл
Осмысляя геополитическое пространство: пространственность войны, скорости
и зрения в работах П. Вирильо.**

**Luke, T., O Tuathail, G.
Thinking Geopolitical Space. The spatiality of War, Speed and Vision in the Work of
Paul Virilio. // Thinking Space / Ed. by M. Crang and N. Thrift, Routledge 2000. P. 360-379**

Вариант реконструкции основных направлений исследований французского мыслителя П. Вирильо, сделанный американскими учеными Дж. О Туатэйлом (география) и Т. Люком (политическая наука), представлен в их работе, которая входит в сборник «Осмысляя пространство», в статьях которого анализируются взгляды различных авторов на проблемы, связанные с пространством. Среди них, наряду с П. Вирильо, – У Бенджамин, Г. Зиммель, М. Бахтин, Л. Витгенштейн, Ж. Делез, Б. Латур, П. Бурдьё и другие.

Области, в которых работал Вирильо, многочисленны, его произведения часто эклектичны. Это не позволяет однозначно отнести творчество ученого к той или иной дисциплине, но, тем не менее, можно определить те сферы интеллектуальной деятельности, которыми он занимался начиная с 1970-х годов. Проблематика его работ может быть «схвачена» в терминах следующих двух треугольников. Первый соединяет в себе дисциплинарные и категорийные различия в принятом смысле (см. рис. 1), второй – ближе к понятиям и темам, которые выделил для себя сам Вирильо (рис. 2).

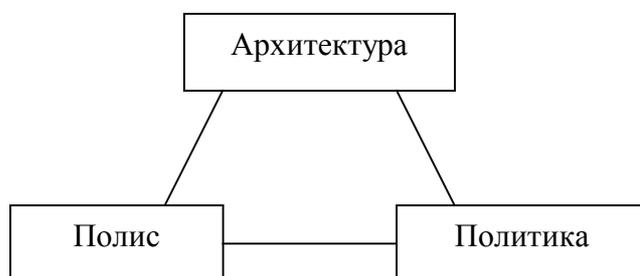

Рисунок 1. Военная сила/знание/технология

Первый треугольник отражает связи между способами профессионального самоопределения французского интеллектуала – архитектор, аналитик военной стратегии и человек, «интересующийся политикой». Как архитектор, Вирильо уделяет особое внимание природе городских форм. Именно рефлексия по поводу «городского» приводит его через понятие полиса к теме политики. Если урбанист – человек, изучающий polis, и политик – действующий внутри и по поводу полиса, – одно и то же, тогда размышление об урбанизме есть в то же время и размышление о политике. Далее этимология приводит Вирильо к рефлексиям по поводу организации войны (warfare) – примордиальной человеческой активности, которая и задавала форму людских поселений и возможностей города. Как он отмечает в своих работах, этимологически, урбанист – это тот, кто строит города, чтобы их защищать (иметь возможность их защитить) (Virilio 1983,86). Как и Л. Мамфорд, город

¹ Забаев Иван Владимирович, аспирант Государственного Университета–Высшей Школы Экономики
© Центр фундаментальной социологии, 2002г.
© Забаев И., 2002 г.

представляется Вирильо продуктом постоянного ведения войны, а урбанистика имеет одним из своих непосредственных приложений подготовку к этой войне (Mumford 1963; 70).

Рисунок 2. Объединяющая тема: человеко-машинные интерфейсы

Три вершины первого треугольника объединяет проблематика военной силы, знания и технологии, отталкиваясь от которой Вирильо переосмысливает наиболее сложные вопросы нашего времени, связанные с проблемами войны, скорости и зрения. Они сходятся вместе (на более глубоком уровне) в теме уменьшения человеческого контроля над машинами, которые оформляют, обуславливают и угрожают жизни людей в конце двадцатого столетия². Таковы элементы второго треугольника. Остановимся на этом подробнее, в частности, в рамках осмысления пространства геополитики (см. Luke, T., 'O Tuathail; 360-364).

Чистая и тотальная война: пространственность войны.

Следуя Вирильо, география есть не что иное, как продукт индустрии войны, поскольку пространство всегда воспринималось в качестве защитных барьеров и/или зон для наступательных операций. Война и подготовка к ней, собственно, и продуцируют пространство-время человеческого опыта.

Территориальная организация пространства в населенные пункты и геополитические союзы – с самых ранних деревень до средневековых городов и современных национальных государств до огромных империй – выражает различные порядки (orders) военной мощи, знания и технологической организации.

По Вирильо, существуют три порядка военного знания: тактика, стратегия и логистика. О тактике он говорит как об «искусстве охоты» в ранних человеческих цивилизациях. Эти цивилизации не знали войны в современном значении: конфликты не вызвали больших разрушений, были не долговременны и тщательно не подготавливались. Стратегию Вирильо связывает с появлением греческих городов-государств и впоследствии коммерческих городов-государств феодальной Европы. Пространство организуется при этом как театр военных действий, с городом-государством, жестко зафиксированным в центре. Этот центр укреплен и способен защитить себя и поддерживающую его существование военно-политическую систему. Тактика при появлении стратегии не исчезает, но подчиняется ей (Luke, T., 'O Tuathail; 365).

С XIX столетия как тактика, так и стратегия постепенно вытесняются на второй план логистикой – новым порядком военной силы/знания/технологии. Логистика, непосредственно связанная с современными механизированными военными экономиками, осваивает новые возможности, вызывающие огромные разрушения в ходе тотальной войны. Начиная с Хиросимы, логистика стала доминирующим порядком военного знания/мощи. Логистика, утверждает Вирильо, цитируя источник из Пентагона – это «процедура, следуя

² Тема противостояния человека и машины разрабатывается, конечно, не только Вирильо. Ею занимались Бодрийар, Делез, Деррида, Фуко, Гватари, Латур и другие.

которой потенциал нации преобразуется в силу ее армий как во время мира, так и во время войны» (Virilio 1983; 16). Логистика уничтожает различия между временем мира и временем войны; остается только постоянная подготовка к войне.

Как и многие ученые, Вирильо видит в государстве («O Tuathail and Luke; 365) военную машину. Государства – это организации-хищники, захватывающие и колонизирующие как пространство, так и население, организующие пространство в военную систему – сегментированную, расчерченную и укрепленную сообразно этой разметке территорию. Будучи военной машиной, государство осуществляет «абсолютный захват мировой истории» (Virilio 1990; 17).

Такой взгляд на государство выражается у Вирильо в понятиях «тотальная война» и «чистая война». Тотальная война возникла благодаря подъему логистики как определенного направления военных действий и была связана с развитием военно-морских сил в начале XX века. В новом порядке пространства-времени высоко ценились скорость и маневренность; именно они определяли победу на ровной плоскости моря и являлись аналогом крепости на суше. Применение британскими войсками на Сомме танка – подвижной крепости и наземного военного корабля – обозначило революцию в скорости и маневренности на земле.

Для цивилизации XX века поворот в сторону тотальной войны имел разнообразные и существенные последствия. Социальное колонизируется военным настолько, что различия между гражданским и военным почти исчезают. Быть гражданином означает иметь «право умереть» (Virilio 1990; 79), быть одной миллионной частицей огромной смерти. Тотальная война мгновенно отражается на «окружающей среде» и природе, ведь для победы необходимо разрушить природную экосистему, поддерживающую существование противника. Кроме того, тотальная война привносит новый абсолютизм в политику. Ее логистика мобилизует все население страны в едином порыве. Враг не может быть просто побежден – должна быть разрушена сама его идентичность, как целого и единого.

Индустрия войны получила новое развитие в конце Второй мировой войны. Ядерные и межконтинентальные ракеты обозначили новую эпоху глобального мирового противостояния и взаимного удержания. Вирильо относит эру глобального ядерного противостояния не к тотальной, а к чистой войне. «Удержание (устрашение) – это такое развитие вооруженных сил (оружия), которое обеспечивает всеобщий мир. Факт наличия все увеличивающегося в своей изощренности оружия все более удерживает врага. И суть войны уже не в исполнении, но в подготовке. Увековечивание войны – это то, что я называю Чистой Войной» (Virilio 1983; 92). Иными словами, следуя Вирильо, тотальная война – это война везде, чистая война – это война всегда.

Чистая война, постоянная подготовка к войне по обе стороны границ, состоящая в непрерывных перемещениях на своей территории и ее (территории) реорганизации. Чистая война – это не мир и не война, это постоянная борьба логистики, движений по своей территории, в ходе которых индустрия войны реорганизуется социальные и экономические отношения так, чтобы спасти мир (Luke 1989). Чистая война потому чистая, что она не нуждается ни в экономике, (через некоторое время, отдавая все маневрам, экономика входит в фазу стагнации), ни в политике (нет времени на споры, дипломатию, рефлексию и обдумывание – надо успеть раньше, чем успеет тот, кто против тебя), ни в людях. Новое оружие таково, что его «хватит на всех», и совершенно не требуются «все», чтобы помешать врагу – это все равно невозможно.

Скорость-тело: пространственность скорости

Из концепции чистой войны прямо проистекает вынужденный упадок геополитики, ее отступление на второй план перед политикой времени, хронополитикой. Вирильо связывает геополитику непосредственно со стратегической ценностью территории, тогда как хронополитика ассоциируется с ценностью времени, телеметричности. С увеличением значимости технологических систем, пространство теряет свою ценность, главное теперь – электроника. В противовес «геополитической экстенсивности» постоянно увеличивается

роль «трансполитической интенсивности», которая сильнейшим образом сказывается на упадке государства как территориального единства (Virilio 1991a, 92). Война в реальном времени вытеснила войну в реальном пространстве географических территорий и более уже не обуславливает историю людей и народов (Virilio 1994a, 206).

Если в пространстве основным объектом является тело, то во времени – скорость. В дромологических обществах (обществах скорости), где ценность «места» невелика, аналогом места, по Вирилью, являются скорость и ускорение. Война ведется за счет скоростей, с помощью скоростей, в ней участвуют скорости против скоростей. Стратегическая ценность без-местности времени оттеснила на второй план ценность места, пространства. В мире подвижного, гипермобильного уничтожения, в мире, удерживаемом машинами глобальной (гиперместной) ядерной войны, места исчезают.

Машины всеобщей ядерной войны, являясь (или обладая) гипермобильностью, надмобильностью, полностью обесценили значение «места». Силы ядерного оружия хватит на «везде», на весь человеческий мир. Обесценив пространство, эти машины с той же силой, но в противоположном направлении изменили значение времени.

Подобно тому, как тотальная война способствовала милитаристским побуждениям организации территории и частично реализовала их в ландшафтах крепостей и бункеров, чистая война навевает образы нового стратегического порядка и соответствующих ему ландшафтов. Пространство-время чистой войны – это такой стратегический порядок, при котором насилие скорости становится законом и судьбой мира и его вектором. Мы больше не населяем «статичность места», мы населяем пространство, изменяющееся во времени (Luke, T., 'O Tuathail; 369-370).

Геополитика не исчезает, но перестает быть центром, ядром военной машины, становится дромологической, подчиняющейся порядку скорости. Скорость-тело дромологических обществ (обществ скорости) реконституирует время/пространство структуриации и аккультурации обществ вокруг оси постоянного ускоряющегося движения. Обживание хронополитического ускорения более чем геополитического пространства – есть не освобождение от движения, но тирания скорости: «Слепота скорости средств ... разрушения – это не освобождение из геополитического рабства, но это истребление пространства как места (плоскости, поля) политической свободы... Чем больше увеличивается скорость, тем быстрее уменьшается свобода» (Virilio 1986; 142).

Виртуальные пространства и географии: пространственность зрения

Область, в которой соположение, сочетание войны и скорости должно быть зафиксировано, – это разведка. В ней визуальная риторика команды/контроля/коммуникации различает быстрые угрозы и медленные проблемы. Вирилью утверждает, что видео-машины, машины зрения –кинематограф, телевидение и спутники-разведчики часто размечают те пространства, которые впоследствии будут заняты, оккупированы войной и скоростью. Видео-машины картографируют мир (а картографируя, по сути – создают его в век эффектов (вместо реальности) и подобия), позволяя войне и скорости ориентироваться в нем. Сегодня, чтобы создать тоталитарное пространство, не нужно организовывать войну с моторизированной техникой и танками, достаточно обычной проникающей способности новых медиа, информационного блицкрига. ('O Tuathail and Luke; 372)

Большая часть из написанного Вирилью посвящена различным сюжетам, связанным с механизацией, автоматизацией и виртуализацией восприятия, особенно зрения. Одна из основных тем в рамках данной проблематики –«разделение зрения». Расщепление, разделение зрения (sights) может парадоксальным образом разделять места (sites), создавая эффекты реальности новых пространств вдаль, между, за, перед, вокруг тех, которые обычно сочетаются с базовыми географическими и социокультурными.

Механизация и компьютеризация средствами ускорения и виртуализации восприятия порождают свои собственные гиперхронические и гипертопические состояния (области), которые так же, как и ядерное сдерживание по отношению к войне, преобразуют

человеческую активность из «актуальной в виртуальную» (Virilio 1994b; 67). Реальная деятельность людей создает многие виртуальные порядки, готовые развернуться в каждой точке человеческой реальности. От этих синтетических иллюзий невозможно легко отделаться – они становятся и *выглядят* куда реальнее, чем реальность. Виртуальное, требуя реагировать на себя, становится реальным.

Медиа процветает на тематике войны не всех против всех, но войны всех против некоторых и некоторых против всех (Cumings 1992). Когда мир становится единым медиарынком, каким он является сейчас, видеокамеры обеспечивают обособленность миллионам индивидов, контркультура (постиндустриального, постнационального, постгородского) гетто распространяется теперь по всей планете, которая не может стряхнуть с себя статуса «гетто космоса» (Virilio 1995; 11). Опосредованные дромологиями быстрого капитализма жители гетто, «пойманные в ловушку внутреннего акта войны, нарушения прав человека» – участники «постоянно повторяемого, очаровывающего спектакля жертвоприношения и медленной смерти» (Virilio 1995, 11). Однократный террористический акт, ограбление магазина в определенном месте благодаря медиа происходят везде и длятся гораздо дольше, чем на «самом деле». Похожесть жертвы на «всех других» обеспечивает ощущение подверженности, однако отсутствие обратной связи оставляет бездеятельным и беспомощным.

Плотность дромологических систем приобретает свою собственную сущность, черты медиа пейзажей третьей природы (Wark 1994). При подобном положении дел совершенно новая виртуальная география нуждается в картографировании своих материальных инфраструктур. По Вирильо, отстроенная (окружающая) среда второй природы – города – не покрывают поверхность земного шара так обильно, как каналы (провода и линии) моторизации и медиатизации. Дромологическое существование – это делокализованная, мобилизованная и инструментализованная жизнь внутри гиперхронического потока и гипертопической области скорости. Тотальная достижимость (способность быть везде) медиа – электронных и машинных – представляется Вирильо переворотом в клаузевиццевском военном мышлении, потому что скорость-тело государства должна колонизировать изнутри (внутри) свою актуальную (наличествующую) территорию с помощью виртуальных средств контроля и измерения времени. И победа в этих внутренних войнах приходит в полностью медиатизированных формах, – «победа над врагом требует скорее не взятия в плен, а пленения³» (Virilio 1995; 14).

Осмысление геополитического пространства, по Вирильо, – это переосмысление современного геополитического взгляда, который уничтожается технаукой и технологиями машинных скоростей ('O' Tuathail 1997). Для этого французский мыслитель использует категории скорости и света. Осознавая, что категория скорости менее полезна для распространения и популяризации теории, нежели для ясного видения и постижения происходящего (Virilio 1994b; 71), он, тем не менее, достаточно сложно пишет о вещах, связанных с современной оптикой, и о соответствующей ей сенсорике. Так, он говорит далее, что разделение (фокуса) видения, позволяющее разделять действительную материальность и реальную виртуальность, оборачивает все из прожитого-воплощенного пространства-времени в неуловимые маневры или эффекты ловушек, вызывая необходимость изменения принципа упорядоченности (со-относительности) видения. ('O' Tuathail and Luke; 374). Речь идет в первую очередь о том, что ранее называлось визуальными машинами (современные оптические или радиоэлектрические приборы, «обеспечивающие видение за горизонтами/сквозь материю/назад во времени»), которые не позволяют наблюдать и однозначно соотносить друг с другом наблюдаемые объекты⁴. Например, что можно *увидеть* в радиотелескоп? Свет и звук, переплетаясь сложным

³ обольщения

⁴ При разделении зрения, наблюдение также по меньшей мере двоятся на собственно наблюдаемую реальность и на итог наблюдения – факт. Понятно, что эти два уровня наблюдения предшествуют осмыслению и концептуализации.

образом, посредством мощных приборов представляют человеку картину реальности, того, что эквивалентно чистому наблюдению, факту. Понятно, что при другой конструкции оптики картина может быть и иной.

Следовательно «временная частота света стала определяющим фактором в восприятии феноменов, оставив умирать пространственную частоту материи... Сегодня «экстенсивное» время, которое работало на углубление целостности бесконечно великого времени, дало дорогу «интенсивному» времени... эта относительная разница между ними реконструирует новое поколение реальности, выродившуюся реальность, в которой скорость господствует над временем и пространством, так же как свет уже доминирует над материей или энергия над безжизненностью» (Virilio, 1994b, 71-72). Построенные на основании определенного понимания природы света современные машины-наблюдатели повернули дело таким образом, что для реальности различные характеристики света стали гораздо важнее характеристик объекта. Но зрение как в реальности, так и в виртуальности, а особенно на их стыке, призвано сегодня работать не с образами, прямо зависящими от конструкции человеческого зрения.

Зрение человека должно быть вытеснено «видящей машиной», превосходящей его способности видеть наблюдаемое или ненаблюдаемое посредством «слепого» зрения, ощущающего невидимые образы энергий или цифровых эффектов. Такая активная машинная оптика «станет позднейшей и последней формой индустриализации: индустриализации невизирания» (Virilio 1994b; 73), так как машинные сенсоры создают объекты из наблюдаемой энергии. Создаются воображаемые пространства или образы предметов, чтобы представлять взгляды (sights) и места (sites).

В мирах, где фактичность конструируется оптикой и радиолектроникой, для большей различительности «...нужно оценивать световые сигналы объективной (воспринимаемой) реальности в терминах интенсивности, которая и есть «скорость», а не в терминах «света и темноты» (Virilio 1990; 74). Иными словами, двоичная различительность должна быть заменена другой, более дробной, в идеале многомерной и континуальной (не дискретной)

Реальности пространства и времени становятся для Вирильо, относительностями между освещенными или не освещенными, прозрачными световыми эффектами. Время коробится и пространство искажается, оставляя зоны для света, отрицающего неизменность размечаемой продолжительности. Фото-графия, или описание света, сейчас переписывает гео-графию - описание пространства. С того момента, как вопрос реальности станет вопросом пути светового интервала, а не вопросом объекта и пространственно-временных интервалов, новые формы световой энергии «помогут модифицировать само определение реального и образного» (Virilio 1994b, 74). Таким образом, «хронополитика», силы времени, понимаемые как эффекты скорости, подчиняют геополитику, силы пространства, понимаемые как пространственное расширение.

Подобные интерпретации машины зрения – с помощью понятий света, скорости, войны – граничат у Вирильо с фетишизмом. «В начале была вспышка» – говорит он. Однако важный вывод напрашивающийся после прочтения его работ Вирильо, состоит в том, что скорость определяет очень многое в человеческом зрении, рациональной рефлексии и нормальном сознании. Шок будущим – это, в основном, болезнь движения, происходящая из «быстроты образов и видов в зеркале путешествия, ветровом стекле, по телевизору и на экране компьютера, которая упрощает и искажает дромологическое видение мира» (Virilio 1991a; 86), ускоряющееся в сторону гипермодернизации (Luke, T., 'O Tuathail; 372-374).

Быть впереди, пред-видеть – вот основные требования современного мира. Сегодня организация самосбывающихся пророчеств – одна из главных задач хроноптометрических маневров – анализа рисков и теории игр.

Заключение

Итак, базовая понятийная сетка, разрабатывавшаяся Вирильо на протяжении заключительной четверти XX столетия, представлена в виде двух логик. Первая – логика

«тотальной войны». Это война везде, она ведется в первую очередь в пространстве и с течением времени захватывает все пространство. Основной объект в этой войне – объект пространства – тело. Интеллектуальная основа для освоения этого мира – география. Согласно второй логике, в определенный момент времени статичность и экстенсивность пространства была преодолена военными технологиями (например, изобретение танка). Как только это произошло, все большую роль начал играть фактор времени. Война стала вестись не в пространстве, а в его изменении во времени. «Чистая война» – это война, не имеющая границ во времени. Основной объект во времени – скорость. Она и стала объектом и средством ведения новой войны.

Необходимость ориентации во времени потребовала нового картографирования. И с помощью оптики и радиоэлектроники в каждой точке обычного пространства были порождены и картографируются многие другие пространства. Свет – это аналог материи в новой войне и мире, в новой онтологии. Война скоростей – это требование более мощной скорости и постоянного нахождения впереди, за «сегодня», в будущем. Интеллектуальные средства, способные обеспечить работу в этом режиме, будут востребованы, остальные – будут ждать другого общества.

Литература

1. Cumings, B. 1992. *War and Television*, London: Verso.
2. Luke T. 1989. 'What's Wrong with Deterrence?' A Semiotic Interpretation of National Security Policy, in J. Der Derian and M. Shapiro (eds). *Intertextual / International Relations: Postmodern and Poststructural Readings of World Politics*, Lexington, MA: Lexington Books.
3. Luke, T., 'O Tuathail, G. Thinking Geopolitical Space. The spatiality of War, Speed and Vision in the Work of Paul Virilio. // *Thinking Space* / Edited by M. Crang and N. Thrift, Routledge 2000, p. 360-379
4. Mumford, L. 1963. *Technics and Civilisation*, San Diego: Harcourt Brace Jovanovich.
5. *Thinking Space* / Edited by M. Crang and N. Thrift, Routledge 2000
6. 'O Tuathail, G. 1997. At the end of geopolitics? Reflections on a plural problem-atic at the century's end. *Alternatives*, 22: 35-56.
7. Virilio, P. and Lotringer, S. 1983. *Pure War*, New York: Semiotexte.
8. Virilio, P. [1977] 1986. *Speed and Politics*, New York: Semiotext(e).
9. Virilio, P. 1989. *War and Cinema: The Logistics of Perception*, London: Verso.
10. Virilio, P. [1978] 1990. *Popular Defense and Ecological Struggles*, New York: Semiotext(e).
11. Virilio, P. [1980] 1991a. *The Aesthetics of Disappearance*, New York: Semiotext(e).
12. Virilio, P. [1984] 1991b. *The Lost Dimension*, New York: Semiotext(e).
13. Virilio, P. [1976] 1993. *L'Insecurite au Terroire*, Paris: Galilee.
14. Virilio, P. [1975, 1991, 1994] 1994a. *Bunker Archeology*, New York: Princeton Architectural Press.
15. Virilio, P. [1988] 1994b. *The Vision Machine*, Bloomington: Indiana University Press.
16. Virilio, P. [1993] 1995. *The Art of the Motor*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
17. Virilio, P. [1995] 1997. *Open Sky*, London: Verso.
18. Wark, M. 1994. *Virtual Geography*, Bloomington: Indiana University Press.